

"Понятен пафос статьи Г. Яковлева, которую вы напечатали в № 19, - сейчас стало модно, якобы пересматривая прежние оценки, просто менять плюсы на минусы и наоборот. А с другой стороны, есть своя доля правды и в этой моде - не в том, конечно, что меняются местами знаки, а в том, что отвергаются привычные стереотипы, побуждавшие стереотипно мыслить. Во всяком случае, о некоторых фигурах прошлого хочется знать больше, чем это разрешало прежнее литературоведение. Например, о Булгарине или Грече, о Каткове или Суворине". Этими строчками из письма учителя-методиста СТ. Кайданникова из Орла мы решили предварить публикацию статьи известного литературоведа.

Жизнь Фаддея Булгарина достойна романа. Может быть, именно такого романа, которые он сам писал — где есть возвышения и падения, выигрыши и проигрыши, дым сражения, угар любви и скачок из грязи в князи — карты, женщины, война, ОДНИМ САО-

авантюрный роман в духе "Ивана Выжиги-на" и "Петра Ивановича Выжипша", принесших их автору европейскую славу. Вот как Булгарин аттестует себя в предисловии к своим воспоминаниям: "Почти двадцать пять лет сряду прожил я, так сказать, всенародно... и наконец дождался до того, что могу[^] сказать ... что все грамотные люди в России знают о моем существовании!"

Но не только в России грамотные люди были читателями его романов, "благодаря Бога", как признается Булгарин, разошедшихся "в числе многих тысяч экземпляров". Они были переведены на языки французский, немецкий, английский, шведский, итальянский, польский и богемский.

Пушкин в статье "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов", напечатанной в московском журнале "Телескоп" в 1831 году, отвечая соиздателю Булгарина Н.И. Гречу и защищая честь Москвы, поставленную под сомнение Гречем, писал: "Москва доньше центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ibe bene, ibi patria*, для коих все равно, бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить русское — были бы только силы".

"Переметчик" и "не коренной русский" — это слова, безусловно, обидные для Булгарина, но они соответствуют фактам его жизни, и, может быть, эти факты более чем что-то другое, искривили его судьбу.

По окончании сухопутного шляхетского кадетского корпуса в Петербурге он был зачислен в конную гвардию, воевал в 1806—1807 гг. против французов, был ранен и за бой под Фридляндом удостоен ордена Анны 3-й степени, затем участвовал в 1807—1808 гг. в финской кампании. Потом написал сатиру на командира полка (а по другим сведениям, на шефа полка великого князя Константина Павловича, брата царя) и оказался вне гвардии, в армии, служил в Кронштадте и Ревеле, играл в карты, пьянствовал, стоял с протянутой рукой на ревельском бульваре. поросся милостыню, а затем исчез. Спустя некоторое время он появился в Варшаве, где поступил в польский

легион армии Наполеона, участвовал в походе в Испанию (1811) и вместе с французскими войсками форсировал в 1812 году Неман, то есть перешел русскую границу как завоеватель, как захватчик. Этот грех всегда числился за Булгариным, это был тот крючок, на который его ловили не только литературные оппоненты, но и власть имущие. При своем характере он, наверное, вел бы себя иначе, если б за ним не было этого проступка, о котором ему всегда можно было напомнить, если б он попытался выказать хоть какую-то независимость.

Когда властям требовались его услуги (самого разнообразного рода — от записки о состоянии литературы и финансов до характеристик отдельных лиц, беспокоящих своей деятельностью правительство), то он не отказывался: назвался груздем, полезай в кузов, говорит русская пословица.

В 1814 году Булгарин был взят пруссаками в плен и при обмене пленными оказался в Варшаве, где стал подвизаться на журналистском поприще и даже издавал какой-то листок.

Уже тогда в нем выработались нюх на сенсацию, жадность к действительным фактам, политическая гибкость, если не выразиться сильнее, и беспримерное чувство вкуса толпы, вкуса заказчика.

Это был талант Булгарина. Природа наградила его хваткой памятью, наблюдательностью и немалым даром риска, всегда необходимым в журналистском деле.

Пробыв недолго в Варшаве и затем прослужив несколько лет управляющим имением своего дяди в Литве, Булгарин возвращается в 1820 году в Петербург, где и суждено ему было стать тем, кем он стал.

В 1822 году он вместе с Н.И. Гречем начинает издавать журнал "Северный архив" и в качестве приложения к нему "Литературные листки", а через три года газету "Северная пчела", которая делается первой частной газетой в России и собирает по прошествии времени от 4,5 до 10 тысяч подписчиков — неслыханный по тем временам тираж.

"Северная пчела" помимо официальных новостей давала читателю статистику, объявления о спектаклях, иностранные и внутренние известия, отклики на новые книги, физиологию Петербурга (автором очерков о столице был часто сам Булгарин), стихи и моду, литературные обзоры и многое другое. То, что Булгарин двинул русскую газету, — это факт. Не было бы "Северной пчелы" и темпераментного ее редактора, время от времени впадавшего в "ересь" и будоражившего воображение общества, не будь его неистовой войны со всем, что грозило "Пчеле" потерей подписчика, русская публичная жизнь была бы скучнее.

В "Северной пчеле" печатались до декабря 1825 года Крылов и Рылеев, Пушкин и Языков. Ее читали и в провинции, и в столицах, на нее ссылались, над ней смеялись и, смеясь, опять-таки читали, потому что это был единственный живой листок, который

выделялся среди беспристрастно-скучных казенных "Ведомостей". И хотя Булгарин в "Пчеле" не позволял себе ничего, что бы было не разрешено свыше, все же здесь являлись и сведения неофициальные, мнения пристрастные, раздражавшие, на которые нельзя было не обратить внимания.

В 1830 году Булгарин осмелился покритиковать роман Загоскина "Юрий Милославский", который понравился императору Николаю. В номере "Северной пчелы" была напечатана первая часть рецензии, и Булгарину было сделано предупреждение. Зная, откуда оно идет, Фаддей Венедиктович в следующем номере напечатал окончание своей статьи, ни в чем не расходящееся с ее началом.

Царь велел закрыть "Северную пчелу", а самого Булгарина отдать под арест. 30 января непокорного издателя посадили на гауптвахту, решение о запрещении газеты шеф жандармов Бенкендорф, покровительствующий Булгарину, уговорил царя отменить, но эту расправу над ним Булгарин всегда помнил. Под портретом Николая I, висевшем в его редакционном кабинете, он четко вывел дату своего ареста: 30 января 1830 года — и все приходившие в "Пчелу" могли созерцать это наглядное свидетельство злопамятства Булгарина. Так уж был устроен этот неистовый человек, в котором чувства брали верх над осторожностью, над опытом и ловкостью дельца.

Ведь "Северная пчела" была коммерческой газетой, и издатели ее долго добивались, чтобы в ней было позволено публиковать частные объявления. Последнее не позволялось никому ~ не дали разрешения и Булгарину. Однако он умел обойти эти строгости и печатал не рекламу, а хвалебные заметки о парфюмерной лавке "Реноме", о кондитерских и гостиницах, за что, конечно, взимал определенную мзду. Как вспоминает Греч, "он не брал денег, а довольствовался небольшою частичкою восхваляемого товара или дружеским обедом в превознесенной новой гостинице".

В повести "Портрет" Гоголь описывает эти • проделки Булгарина, отправляя своего героя — безвестного художника Чарткова — к "издателю ходячей газеты", который за десять червонцев сочинил и напечатал в следующем же номере "вслед за объявлением о новоизобретенных сальных свечах" статью "о необыкновенных талантах Чарткова", давшую художнику пропуск на золотой Олимп. А в повести "Нос" Гоголь еще раз прошелся по Булгарину в том месте, где говорится, что майор Ковалев, утративший внезапно собственный нос, хочет объявить об этой пропаже в печати и ему советуют: "Если уж хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо описать как редкое произведение природы и напечатать ату статейку в "Северной пчеле"... для пользы юношества".

Дело в том, что в газете Булгарина существовал раздел "Смесь", в котором появлялись сообщения о разного рода аномалиях, фантастических происшествиях, случившихся в разных концах света. Здесь рассказывалось о том, что где-то выплыла "рыба, принадлежащая к числу тех, которые в древности называли сиренами. Голова и грудь ее совершенно подобны женским, и когда рыба поднимается из воды, она издали довольно походит на женщину" (1834, № 194). Тут можно было прочесть "об ученых блохах, везущих тяжести в 400 раз тяжелее их тела", о парижской девице, у которой два носа, и

притом она "очень недурна собою". Из этого раздела "Северной пчелы" Гоголь почерпнул стиль и факты для дневника Поприщина ("Записки сумасшедшего"), являющегося регулярным подписчиком "Пчелки". Заметки в разделе "Смесь" печатались в газете Булгарина без единого иронического комментария, и так же всерьез воспринимал их несчастный чиновник. Некоторые из этих публикаций попали в его дневник почти дословно: "Какой-то мистик, — повествовала "Северная пчела", — напечатал в баварском календаре, что 20 марта 1832 года в 3 часа пополудни начнется осень". Если вспомнить одну из записей дневника сумасшедшего, где стоит дата "мартобря 86 числа", то становится ясно, откуда взято это скрещение марта с октябрём.

Да и сам "испанский сюжет" повести (герой воображает себя испанским королем) тоже взят из газеты Булгарина, где целый год (1833— 1834), когда как раз и писалась повесть Гоголя, печатались новости о борьбе за трон в Испании под рубрикой "Испанские дела".

Булгарин дал русской литературе много поводов для насмешек (один только Пушкин посвятил ему несколько эпиграмм), но он же и кормил русскую литературу сюжетами. Я имею в виду не только пародийные продолжения "Ивана Выжигина", принадлежащие перу А.А. Орлова. Фаддей Венедиктович не раз возникал в ней собственной персоной. Так, появляется он в гоголевском "Ревизоре" в образе петербургского журналиста Тряпичкина. "А уж Тряпичкину, — говорит Хлестаков, — точно, если что попадет на зубок — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит". Любопытно, что не только эти черты Тряпичкина совпадают с личностью Булгарина, но и его домашний адрес: оба они проживают в Почтамтской улице.

Позже, в "Мертвых душах", Гоголь воспользуется типами помещиков, выведенных в романе "Иван Выжигин", один из которых пьяница и гуляка, разбазаривающий свое добро (Глазду-рин у Булгарина, у Гоголя — Ноздрев), а другой — образцовый хозяин, умножающий крестьянское и личное богатство (у Булгарина — Россия-нинов, у Гоголя — Костанжогло).

Надо сказать, что Булгарин неплохо знал русскую фактографию и, будучи совершенно далек от поэтической фантазии, всякий раз укорял своих коллег в просчетах против действительности. Гоголю он ставил в вину сказочный прием, оказанный Хлестакову, у которого не спросили даже подорожной — то есть документа, удостоверяющего его чин и личность, Пушкину — что тот не показал в "Путешествии в Арзрум" и в "Онегине" ни одного героического русского человека, которых так много в жизни. Булгарин писал, что действие "Ревизора" происходит на "Сандвичевых островах", а не в России, что же касается "Мертвых душ", то в них все вранье: крестьян можно приобретать без земли, но "закладывать их в ломбард" без земли (как это делает Чичиков) запрещено законом.

На Пушкина Булгарин давно точил зуб — с тех пор, как их отношения, вначале бывшие вполне приличными, охладели. Еще в феврале 1824 года Пушкин писал Булгарину: "Вы принадлежите к самому малому числу тех литераторов, коих порицания и похвалы могут и должны быть уважаемы". А через несколько лет — по выходе в свет "Ивана Выжигина" — он бросает ему в лицо строки:

Не то беда, Авдей Флюгарин, Что родом ты не русский барин. Что на Парнасе ты цыган. Что в свете ты Видок Фиглярин. Беда, что скучен твой роман.

Разъясним читателю, что "Авдей Флюгарин" ~ один из псевдонимов Булгарина, хотя и придуманный им самим, но весьма двусмысленный, ибо "флюгер" изменяет свое положение в связи с направлением ветра. Но далее идут еще более обидные аналогии: Пушкин называет Булгарина фигляром — то есть шутком, цыганом на Парнасе и Видоком (Видок — имя парижского полицейского сыщика). Видок — не что иное, как намек на стукачество Булгарина, на его услуги, оказываемые III отделению Его Величества Императорской канцелярии и лично графу Бенкендорфу. Под сомнение ставятся не только литературные способности автора скучного романа (имеется в виду "Иван Выжигин"), но и его порядочность.

И тут мы должны сделать некоторое отступление и вернуться к началу журналистской биографии Булгарина, к тому времени, когда после своих злоключений он вновь появился в Петербурге.

Это была эпоха либерализма, когда "все, — как пишет Греч, — тянули песнь конституционную, в которой запевалой был император Александр Павлович". Оказавшись в доме Греча, Булгарин познакомился с братьями Бестужевыми, К. Рылеевым, Батеньковым, Тургеневыми, Кюхельбекером и другими будущими декабристами. Тогда же сошелся он и с Грибоедовым, который через несколько лет, уезжая послом в Персию, оставил ему список комедии "Горе от ума" с надписью: "Горе" мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов". Как литературный душеприказчик Грибоедова Булгарин и опубликовал ее впервые в отрывках в издаваемом им театральном альманахе "Русская Талия" (1830, № 39) и всю жизнь потом гордился этим поступком.

Но, как и всякая историческая фигура, Булгарин не однослоен. И даже в его служении ведомству Бенкендорфа (тот говорил о Булгарине: "Был употребляем по моему усмотрению") есть отнюдь не оправдательные, но некие переливчатые краски. Во-первых, мотором этого служения было самолюбие. Булгарин считал, что будучи одним из самых компетентных и известных людей в государстве ("Вся Россия меня знает"), он вправе давать советы правительству, увещевать его и наставлять на путь истинный.

Во-вторых, его ахиллесова пята — беллетристика — ставила Булгарина всегда в обиженное положение и не было иной более сильной причины для открытой и тайной войны с его литературными соперниками, чем это неравенство, эта третьесортность его положения в отечественной словесности. Литературная зависимость доводила Булгарина до бешенства, нападки в адрес "Северной пчелы", его детища, — тоже, и он не гнушался политическими передержками, чтоб отомстить, ниспровергнуть, изобличить обидчика.

Важнейшая деталь в биографии Фаддея Венедиктовича: он никогда не получал за свои фискальные услуги ни копейки денег. Он трудился бескорыстно и бесплатно. Конечно,

не совсем бескорыстно и не совсем бесплатно. Конечно, он хотел быть замеченным, поощренным, заслужить доверие правительства, доверие царя, историю царствования которого он то и дело порывался писать. Но Николай I брезгливо отказывал ему в этом.

Но желание быть полезным также руководило им. Булгарин, как и многие литераторы той поры, был государственный, он не только сводил счеты со своими журнальными конкурентами, но и действительно служил, как понимали тогда службу, и доносил, ибо донос, как доведение своего мнения до сведения высших инстанций, как донесение, считался одним из инструментов воздействия на власть.

Записки Булгарина в III отделение многообразны — от определения задач Министерства просвещения, от действительного доноса на журнал "Отечественные записки" (конкурент!), который сеет революционные идеи, до критики самого царя за то, что тот не обращает внимания на крестьянский вопрос. "Управление финансов тяготительно для народа и затруднительно для администрации, — пишет он. — ...Купечество надеется на слова государя... об освобождении торговли. Общее доверие исчезло, никто не платит долгов. Законы по сему предмету слабы и не исполняют... Для крестьян еще ничего не сделано... Кажется, надлежало постановить что-нибудь общее в обеспечении этого класса людей, многочисленного и сильного братством с солдатами".

Касается Булгарин и литературы. "Государь наградил многих литераторов, — читаем в его донесении, — но это не переменило мнения, что он не весьма любит литературу русскую и что на просвещение менее всего обращает внимания". "Не надо себя усыплять и обманывать, — заключает Булгарин, — это вреднее даже коммунизма".

Особой заботой издателя "Северной пчелы" была цензура. Булгарин требует, чтобы на должности цензоров назначались "образованные" и "достойные", а не невежды и дураки. Он подвергает ревизии "чугунный" цензурный устав 1826 года и предлагает своих кандидатов в цензоры. Как отмечает автор новейшей статьи о Булгарине А.И. Рейтблат, "поданные им записки были, по всей вероятности, учтены, по крайней мере, все лица, отрицательно охарактеризованные им, были выведены в 1828 году из состава цензоров и заменены теми, кого рекомендовал Булгарин".

По мнению того же автора, Булгарин содействовал созданию новой, более либеральной редакции цензурного устава 1828 года.

Письма Булгарина в III отделение наполнены жалобами на невнимание, на высокомерное обращение, на недостаточность наград. Это смесь подыскивания, лести и самой неприкрытой дерзости.

Меж тем мы находим в осмеянной историками литературы переписке Булгарина с жандармами и здравые мысли, и знание предмета, и советы, которые мало в чем расходятся, скажем, с советами Пушкина царю в "Записке о народном воспитании", составленной по просьбе последнего в 1826 году.

Конечно, Булгарин завидует Пушкину, подтягивается к Пушкину и, когда ему указывают на его место, жалуется: "Я думал, если сочинителю "Гавриилиады", "Оды на вольность" и

"Кинжала" оказано столько благодеяний и милостей, то почему же не дать взаймы мне?" Жалоба эта полна откровенных намеков: сочинения Пушкина, которые поминает Булгарин, все сплошь богохульные и якобинские, но и эта попытка "свалить" Пушкина не находит ответа. Более того, стоит Булгарину напечатать разносную статейку о стихах поэта, как царь грозит издателю закрыть его газету.

Так зарождается и не покидает его до конца жизни вражда к "аристократической партии" в литературе: вражда зависти, вражда лакейская — только лакей может так ненавидеть барина, который не сажает его за свой стол.

Для Булгарина Пушкин был барин не по рождению, а по таланту, он в литературе был аристократ, а Булгарин плебей. Пушкин (как и Гоголь, и Жуковский, и Тютчев — все, кто печатался в пушкинском "Современнике") был поэт, то есть существо высшего рода, а Булгарин — "душа Тряпичкин", пописывающий статейки, а иногда романы, похожие на статейки.

Но пора сказать несколько слов и о Булгарине-литераторе. Он оставил потомству много томов прозы (включая книжки "Воспоминаний"), но мы остановимся лишь на двух его романах, на "Иване Выжигине" и на "Петре Ивановиче Выжигине" — об отце и сыне. И тот и другой, будучи не без греха, в конце концов являют собой пример добродетели и высоты духа. Но если отец, родившийся чуть ли не на одной подстилке с собакой, начинает с бедности и достигает богатства, то сын, начав с богатства, проходит испытания бесчестьем и бедностью и кончает тем же, чем отец.

Жанр своих романов Булгарин определяет так: "Иван Выжигин" — нравственно-сатирический, "Петр Иванович Выжигин" — "нравоописательный, исторический".

В предисловии к "Ивану Выжигину", обращенному к министру внутренних дел графу А.А. Закревскому, Булгарин объясняет свое понимание сатиры и ее взаимоотношения с нравственностью. "Благонамеренная сатира споспешествует усовершенствованию нравственности, представляя пороки и странности в их настоящем виде и указывая в своем волшебном зеркале, чего должно избегать и чему следовать".

Понятие "благонамеренная сатира" принадлежит к личным изобретениям Булгарина, хотя выражает пожелания не только непосредственного булгаринского заказчика — российской власти, но и властей всех времен и народов.

"Благонамеренная сатира" — это нонсенс, потому что сатира не может вытягиваться перед кем-то по струнке, обслуживать и прислуживать. Она своевольна и никого не боится. Благонамеренность чужда ее природе, которая, как и всякое стихийное явление, неожиданна, неуправляема и непредсказуема.

Благонамеренная же сатира — это сатира на часах, это страж хозяина, призванный охранять его сон, а если и тревожить по необходимости, то только с одной целью — превратить его бодрствование в удовольствие.

"Большой свет" откровенно противопоставляется любимым героям Булгарина как прибежище разврата, лени и лжи, здесь он клеймит уже не аристократическую партию в литературе, а русскую аристократию в целом, которая, по его мнению, как сгнившее дерево, уже не способна дать плода.

Что же касается "Петра Ивановича Выжигина", то поэтика этого романа есть тот же набор клише, что и "Иван Выжигин", только перенесенных на подлинные события и действительные исторические лица. Булгарин смело выступает предшественником Льва Толстого, мешая в повествовании сцены солдатские, крестьянские, партизанские (сюжет романа — нашествие Наполеона на Россию и его разгром русской армией) со сценами, в которых участвуют генералы, маршалы и императоры, причем когда дело священники слащавы, барышни падают в обморок, как в водевиле, его война — маршировка оловянных солдатиков, и над всем этим царит тщеславная мысль — как бы вписать себя в историю с положительной стороны.

Булгаринская война напоминает перлы батальных сцен в образцовых творениях соцреализма — и там полководцы сливаются с народом (у неприятеля все наоборот), и тут и там ложь мешается с правдой и на первом плане, конечно, верные царевы слуги, они же красавцы, они же любимцы женщин и "поселян". Зло наказано, добродетель торжествует — таков итог исторической и житейской философии Булгарина, где "отчизнолюбие" означает прежде всего "царелюбие" — то есть верноподданность. В 1842 году он издал под своим именем книгу "Россия в историческом, статистическом и литературном отношении", которая принадлежала перу Н.А. Иванова. Да, по существу, и все его писательские упражнения — сплошь заимствования чужих слов, чужих идей, чужих сюжетов и чужих приемов. Это классический пример идеологизированной истории и дидактической поэтики, в которой нет ни капли чувств (хотя в романах Булгарина бушуют страсти), а есть холодный расчет и умысел.

Защищая третье сословие, призывая правительство поощрять торговлю и предприимчивых людей, Булгарин и в романах своих развивал торговое направление.

Именно поэтому его беллетристика была полезным раздражителем для литературы, ибо часто низкое провоцирует на ответ высокое, и проза Пушкина и Гоголя, да и вся отечественная литература первой трети XIX века, имела на своей периферии этот заряженный электричеством источник.

Вопреки творениям первоклассных талантов средняя, если не сказать хуже, проза Булгарина выигрывала в массовости, как поделки, легко сработанные, но модные романы и повести (сейчас их называют бестселлеры) берут верх над аристократией таланта.

Булгарин как родоначальник массовой литературы, как первый коммерческий писатель, вероятно, не раз будет поминаться в истории рядом с именами своих великих современников. Это были примеры чтива на Руси, это было обнажение механизма обработки умов, прямого использования печатного слова для нужд власти и вызов смертного — бессмертному, рептильной поэзии — дару богов.

Неистовый Фиглярин

Автор: Administrator
17.02.2013 10:50 -

Фаддей Булгарин — одиозная фигура русской литературы. Можно сказать, что из журналистики он вторгся в храм Аполлона, не расставшись с привычками "второй древнейшей профессии". Это было вторжение плебея в Дворянское собрание, шулера в компанию честных игроков, персонажа водевиля в высокую драму.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ